

Ольга Ладохина
Юрий Ладохин

*Манускрипт для
восстания мемов.
О филологическом
романе XXI века*

Из цикла «Филология для эрудитов»

**Ольга Ладохина
Юрий Ладохин**

**Манускрипт для восстания
мемов. О филологическом
романе XXI века. Из цикла
«Филология для эрудитов»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31507992

ISBN 9785449057242

Аннотация

Где искать Книги мудрости, которые могут взять с собой бесстрашные «белковые» жители Земли на борьбу с мятежом (вероятность недалекого будущего!) искусственного интеллекта? Наше предложение – филологические романы XXI века, насыщенные драгоценными частицами («мемами») культурной памяти, где главный герой дорожит внутренней свободой и стремится постичь иррациональные истоки вдохновения, где читатель погружается в творческую лабораторию писателя, атмосферу импровизации, аллюзий и языковой игры

Содержание

Глава 1. «Ума холодных наблюдений // И сердца горестных замет» (заветная книга знаний)	5
1.1. «Цель жизни нашей для него // Была заманчивой загадкой...» (в поисках мудрости)	5
1.2. «Одна с опасной книгой бродит, // Она в ней ищет и находит...» (манускрипт – источник силы)	16
1.3. «Запретный плод вам подавай, // А без того вам рай не рай» (парадоксы как извивы ума)	22
Конец ознакомительного фрагмента.	30

**Манускрипт для восстания
мемов. О филологическом
романе XXI века
Из цикла «Филология
для эрудитов»**

**Ольга Ладохина
Юрий Ладохин**

© Ольга Ладохина, 2018

© Юрий Ладохин, 2018

ISBN 978-5-4490-5724-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. «Ума холодных наблюдений // И сердца горестных замет» (заветная книга знаний)

1.1. «Цель жизни нашей для него // Была заманчивой загадкой...» (в поисках мудрости)

Известный, наверное, всем библейский персонаж – многострадальный Иов отчаянно вопрошал своих доброжелателей, странствующих по миру купцов: «Но где же премудрость обретается? И где место разума? (*«Книга Иова», глава 28, стих 12*). Многостраничный ответ на этот вопрос появился лишь спустя полтора тысячелетия, когда усилиями книжника Ездры были собраны воедино книги Ветхого Завета. Еще через пять столетий премудрости человечества были дополнены подвижническими усилиями евангелистов Марка, Матфея, Луки и Иоанна.

С тех пор культурные кладовые жителей Земли ежегодно пополнялись страницами трудов мыслителей, исследователей, писателей и поэтов, неудержимо влекомых к поиску Истины обволакивающими голосами сирен любомудрия. Но,

как представляется, стройная картинка поступательных шагов прогресса *Homo sapiens* в эпоху информационных технологий с большой долей вероятности *бездушно* (далее будет понятно, почему мы использовали именно это слово) будет смазана невиданным доселе явлением. Человек как «белковое» существо, похоже, может (и это подтверждается мнением многих авторитетных экспертов) столкнуться в непримиримой борьбе за выживание со своим цифровым Големом – машиной, обладающей искусственным интеллектом.

Понятно, что реальные масштабы сражений при подавлении «восстания машин» могут превзойти самые яркие повествования писателей-фантастов, (взять хотя бы роман «Роботы Апокалипсиса» американца Дэниела Уилсона). Но есть еще один немаловажный аспект возможного будущего противостояния «белкового» и искусственного интеллектов – информационные войны. Знаменитый основатель американских компаний *SpaceX* и *Tesla Motors* Илон Маск, выступая в июле 2017 года на встрече Национальной ассоциации губернаторов, отметил, что «роботы могут начать войну, выпуская фейковые новости и пресс-релизы, подделывая учетные записи электронной почты и манипулируя информацией».

Предсказания проницательного пассионария из США начинают понемногу сбываться. В начале августа 2017 года на сайте kommersant.ru появилась следующая информация: «Похоже, машины действительно начали восставать против

людей. И первыми эту войну начали те, кто казались самыми безобидными созданиями с искусственным интеллектом (AI) – чат-боты. Они были разработаны для того, чтобы пользователи различных сервисов и приложений могли легко и быстро получить необходимую информацию. Такие программы часто используются для сообщения прогноза погоды, результатов спортивных соревнований, курсов валют, биржевых котировок и т. п. Самообучающиеся же боты должны были стать полноценными собеседниками пользователей, способными понимать человеческую речь и отвечать на любые вопросы» (<https://www.kommersant.ru>, 05.08.2017 г.)

Для начала «Ъ» поведал о практически анекдотических случаях с чат-ботами родом из Китая: «... примером „восстания машин“ стало поведение двух ботов китайского мессенджера Tencent QQ, которых пришлось срочно удалять за их „антикоммунистические и классово чуждые“ высказывания. Первого из них, BabyQ, спросили „любит ли он Коммунистическую партию“, на что тот ответил – „нет“. Другой пользователь написал боту „Да здравствует Коммунистическая партия!“, а в ответ BabyQ спросил „Ты действительно думаешь, что столь коррумпированные и некомпетентные политики долго протянут?“» (Там же).

От дальнейшей информации «Ъ» стало уже не до смеха: «Куда сложнее все оказалось с ботами Facebook, которые с людьми вообще не общались. В июне специалисты отде-

ла Facebook по исследованию возможностей искусственного интеллекта (FAIR) опубликовали отчет о том, как проходит обучение их ботов диалогам с целью достижения компромисса. Обучение шло успешно, однако в какой-то момент ученые FAIR обнаружили, что боты перешли с английского на какой-то свой язык с использованием человеческих слов. Сначала ученые подумали, что они допустили ошибку в программировании. Но затем выяснилось, что сама система AI решила усовершенствовать манеру общения ботов, чтобы те могли быстрее и эффективнее достигать результата. Понять, о чем договаривались боты и что они говорили друг другу в каждый конкретный момент, было невозможно. Потому было решено их отключить – во избежание непредвиденных последствий» (*Там же*).

Рискнем предположить (это наша гипотеза), что на информационную составляющую бунта машин человечество вполне могло бы ответить своим оружием большой поражающей силы – «восстанием мемов». Основанием для такого допущения могут послужить идеи, изложенные английским биологом Ричардом Докинсом в 1976 году в книге «Самовлюбленный ген». В этом труде ученый предположил, что, наряду с генами как носителями биологической информации, существуют носители культурной информации, в которых также заложен своеобразный механизм размножения и которые аналогичным образом функционируют в рамках теории эволюции, выдвинутой Чарльзом Дарвиным. По ана-

логии с генами Докинс назвал эти элементы культурной памяти «мемами».

Как считает известный культуролог и литературовед Михаил Эпштейн, «примером таких мемов могут служить крылатые слова, лозунги, литературные сюжеты, визуальные образы, музыкальные мотивы, моды, поваренные рецепты, математические формулы... По сути, вся история человечества может быть описана как эволюция мемов, их борьба за выживание, распространение, покорение умов, внедрение в духовную и материальную культуру» [Эпштейн 2005, с. 669].

Но восстание мемов против «робокопов» и других начиненных чипами металлических продвинутых существ должно, видимо, опираться (так уж повелось в истории) на какие-то основополагающие литературные источники, назовем их для обобщения «манускриптами». К примеру, толчком для начала Реформации католической церкви в 1517 году послужили «95 тезисов» Мартина Лютера, а начало классовой борьбы пролетариата за свои права было положено изданием в феврале 1848 года «Манифеста Коммунистической партии», написанного Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом.

Найти какой-то один, основополагающий манускрипт для восстания мемов, похоже, задача практически невыполнимая. Но попробуем пофантазировать, разобьем задачу на несколько составляющих и обратимся сразу к нескольким источникам. Начнем с первого. Вот строчка наугад:

Мы почитаем всех нулями,
А единицами – себя,
Мы все глядим в Наполеоны;
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно,
Нам чувство дико и смешно
[Пушкин 2005, с. 53].

Знакомо? – конечно, это строки из романа в стихах Александра Пушкина «Евгений Онегин» – подлинной «энциклопедии русской жизни», как назвал его Виссарион Белинский. Чем не кладезь культурных мемов начала XIX века?

Впрочем, далеко не все литературные критики приняли сочинение великого поэта на «ура». Одному не хватило в нем цельности сюжета и связности изложения: «Блестательная жизнь «Евгения Онегина», коего каждая глава, бывало, считалась эпохой, оканчивается почти насильственно, перескоком через целую главу: и это не производит никакого движения, не возбуждает никакого участия. <...> С самых первых глав можно было видеть, что он не имеет притязаний ни на единство содержания, ни на цельность состава, ни на стройность изложения... (Н. Надеждин, «Телескоп», 1832 г., №9).

Второй, не мудрствуя лукаво, прямо связывал пустоту главного персонажа «Евгения Онегина» с «вакуумом» содержательной части: «Сам Пушкин, кажется, чувствовал пустоту своего героя, и потому нигде не старался коротко зна-

комить с ним своих читателей. Он не дал определенной физиономии, и не одного человека, но целый класс людей представил он в его портрете: тысяче различных характеров может принадлежать описание Онегина. Эта пустота главного героя была, может быть, одною из причин пустоты содержания первых пяти глав романа; но форма повествования, вероятно, также к тому содействовала» (из статьи И. Кириевского «Нечто о характере поэзии Пушкина», «Московский вестник», 1828 г.).

Третий, а это известный своей въедливостью Дмитрий Писарев, вдоволь «прошелся» по так почитаемой Белинским всеохватности романа: «Если вы пожелаете узнать, чем занималась образованнейшая часть русского общества в двадцатых годах, то энциклопедия русской жизни ответит вам, что эта образованнейшая часть ела, пила, плясала, посещала театры, влюблялась и страдала то от скуки, то от любви. – И только? – спросите вы. – только! – ответит энциклопедия. – это очень весело, подумаете вы, но не совсем правдоподобно. Неужели в тогдашней России не было ничего другого? Неужели молодые люди не мечтали о карьерах и не старались проложить себе так или иначе дорогу к богатству и к почестям?..» (из статьи «Пушкин и Белинский» (1 гл.). Евгений Онегин).

Предлагаем не вступать в полемику с маститыми критиками. К тексту «Евгения Онегина» будем возвращаться еще не раз, и тогда, видимо, может проясниться, насколько спра-

ведливы их некомплементарные выпады.

Однако вернемся к нашей основной теме. Как-то негоже, наверно, скажете вы, брать из далекого от нас начала XIX века роман, пусть даже такой знаменитый, и делать его настольной книгой карбонариев времен восстания мемов. Претензии вполне разумны. Тогда совершим прыжок на два столетия вперед... Оглядев литературные окрестности, убедимся, что выбор, пусть не такой обширный, как во времена «золотой классики», но, похоже, все-таки есть.

Взять хотя бы лауреатов «Большой книги». Вспомнив (впрочем, скорее в ироническом ключе) известный слоган «Голосуй сердцем», так и хочется «лайкнуть» (извините уж за современный слэнг) названия книг любимых авторов: биографию «Борис Пастернак» Дмитрия Быкова, романы «Даниэль Штайн, переводчик» Людмилы Улицкой, «Журавли и карлики» Леонида Юзефовича, «Письмовник» Михаила Шишкина, «Лавр» Евгения Водолазкина и др.

Однако, чувства чувствами, а аналитический подход требует несколько иного ракурса зрения. Для нанесения стрелок на карте боевых действий (в Центре управления мятежа «белковых» повстанцев) в качестве исходных данных скорее подойдут, на наш взгляд, романы с более насыщенной, так скажем, «культурологической начинкой».

Ну, хотя бы такой: «Часто он думал о том, что, по сути, всякий добротный писатель сочиняет на незнакомом ему языке. В этом и есть главный смысл – заговорить на языке,

которого еще не существует, хотя давным-давно известны (и потому почти безжизненны) используемые им слова. Все равно что разглядеть впервые крест в сплетенных в поперечье палках» [Черчесов 2007, с. 355].

Или этой: «Как будет дальше с искусством и творчеством, этот взрослый мальчик-философ с ореховыми глазами еще не знает, это, как покажет будущее, но уж философия и научная карьера – прощай! Цитаты-то не о расчетливости, а о том, что в искусство нельзя лезть с психологией торговца мелочной лавки. Выигрывает тот, кто умеет проигрывать» [Есин 2006, с. 239].

А как вам размышления о судьбе Создателя? – «Мы всемогущи. Стоя на краю поля ржи: наша рука может вырвать любой вредоносный василек с этого поля. Мы беспомощны перед полем ржи: нашей жизни не хватит, чтобы руками вырвать все васильки, не помяв колосьев. Точно также Господь одновременно всемогущ и беспомощен перед бескрайним полем своего Творения, усеянным сонмом грешников, посеянным Им Самим» [Ефимов 2006, с. 220].

Это фрагменты из трех произведений, которые мы склонны отнести к современным филологическим романам, так как все они, как нам представляется, отвечают ключевым их признакам: главный герой романа – филолог, креативными возможностями которого являются непосредственный взгляд на мир, внутренняя свобода, стремление постичь иррациональные истоки писательского вдохновения; автор фи-

логического романа выступает сразу в трех ипостасях: как писатель, литературовед и культуролог; для насыщения текста частицами культурной памяти (*да это же фактически те самые мемы Ч. Докинса!*), автор не только использует интертекстуальные отсылки к литературным произведениям, но сам, откликаясь на актуальные проблемы, генерирует новые культурные коды и знаки; не отказывает себе автор и в проявлениях писательского озорства, создании игровой, ироничной атмосферы взаимодействия с читателем, не стесняясь в некоторых случаях и сознательного обнажения своих излюбленных литературных приемов.

Небольшой, как теперь говорят, презентационный блок. Первый отрывок взят из романа Алана Черчесова «Вилла Бель-Летра» (*в самом названии не чувствуете ли одурманивающие запахи современной раскованной беллетристики?*), где главный герой – писатель Георгий Суворов, вместе со своими коллегами из Англии и Франции, пытается в начале XXI века раскрыть тайну произошедшего столетие назад исчезновения бывшей владелицы расположенной в Баварии виллы графини Лиры фон Реттау.

Второй – из романа Сергея Есина «Марбург», на страницах которого описывается поездка профессора филологии Алексея Новикова в немецкий Марбург для чтения лекции о знаменитых выпускниках местного университета Михаиле Ломоносове и Борисе Пастернаке (*«мальчик-философ с ореховыми глазами» – это он*).

У героини третьего романа («Неверная», автор Игорь Ефимов) Светланы Денисьевой, преподающей в американском университете русскую литературу, необычное пристрастие: она пишет письма фактически в «мир иной» – ушедшим из жизни известным литераторам и их близким.

1.2. «Одна с опасной книгой бродит, // Она в ней ищет и находит...» (манускрипт – источник силы)

Итак, проведем рекогносцировку. Если восстание машин когда-то действительно вспыхнет на всей территории Земли, человечество, похоже, ждут нелегкие времена. Вот отрывки из монолога Кормака Уоллеса (Умника) – главного героя романа «Роботы Апокалипсиса», возглавившего отряды сопротивления: «Люди должны знать, что поначалу враг выглядел обычной, заурядной техникой – машины, здания, телефоны. А потом, когда роботы начали сами себя проектировать, то обрели знакомый, но какой-то искаженный облик, стали походить на людей и животных из другой вселенной, созданных другим богом. Из наших снов и кошмаров в нашу жизнь пришли машины – а мы все равно их одолели. Те, кто остался в живых, думали, учились и адаптировались очень быстро, и поэтому победили – слишком поздно для многих из нас, – но все-таки победили...» (Д. Уилсон, «Роботы Апокалипсиса», из главы «Брифинг»).

Обратим внимание на, думается, ключевое здесь слово «*учились*» и задумаемся, в чем же могут состоять решающие преимущества людей перед думающими машинами в схват-

ке за выживание. Но, прежде всего, логично с ходу отбросить такой аспект, как «быстрота мышления». После двух знаковых событий (проигрыша в октябре 2014 года шахматного короля Гарри Каспарова суперкомпьютеру *Deep Blue* компании *IBM* и поражения корейского профессионала 9-го дана Ди Седоля от компьютерной программы *AlphaGo* в матче по игре го в марте 2016 года), пожалуй, стало ясно, что вычислительные возможности кибернетических монстров превзошли расчетные возможности человеческого мозга.

Таким образом, здесь, похоже, тягаться бесполезно. Но где же тогда наш «засадный полк»? Он есть, только немного терпения... Начнем со стихотворных строк:

Ему казалось – Альбатрос
Вокруг свечи летал.
Он присмотрелся – над свечой
Кружился Интеграл.
«Ну что ж, – сказал он и вздохнул, —
Я этого и ждал»
(*Льюс Кэрролл, «Алиса в стране чудес», из «Песни Садовника»*)

То есть обычный вертоградарь (пусть даже в прихотливом воображении создателя «Алисы...») может себе представить такой парадокс, как описывающий в воздухе круги изогнутый математический символ. Может ли такое себе представить машина, наделенная искусственным интеллектом? – тут

есть большие сомнения. И почему нельзя предположить, что напичканные парадоксами текстовые сообщения между отрядами «белковых» повстанцев, даже будучи перехваченные противником, не будут поддаваться дешифровке. Мы уже даже не говорим о том, что парадоксальные решения в зоне боевых действий иногда имеют более важное решение, чем превосходство в «живой силе» и технике. Итак, первое, на наш взгляд, преимущество людей – это потенциал парадоксального мышления.

Второе попробуем сформулировать после цитирования этих строк:

Но ты, *бордо*, подобен другу,
Который, в горе и в беде,
Товарищ всегда, везде...
[Пушкин 2005, с. 122].

Но нет, это не то, что вы могли подумать! Это не о благотворном влиянии хорошего вина, или другого пьянящего напитка, на раскрепощение творческой фантазии (хотя, честно признаться, в этой мысли что-то есть!). Тогда, чтобы эту тему не обрывать на полуслове, еще несколько строк из «Евгения Онегина»:

Вдовы Клико или Моэта
Благословенное вино
В бутылке мерзлой для поэта

На стол тотчас принесено...
Помните ль, друзья?
Его волшебная струя
Рожидала глупостей не мало,
А сколько шуток и стихов,
И споров и веселых снов!
[Там же, с. 121].

Не догадались? Это истинно человеческое умение (правда, присущее далеко не всем Homo sapiens, к сожалению) посмотреть на себя со стороны, не боясь показаться смешным. Это качество очень выручает в различных жизненных ситуациях, порой даже экстремальных, и имя ему – ирония.

Третье качество, как то вещество, что превращает отряд закованных в броню средневековых рыцарей с копьем, эффективный только в ближнем бою, в полк гренадеров Императорской гвардии Наполеона, чьи пехотные ружья образца 1777 года вели прицельный губительный огонь с расстояния 150-ти метров. Как нетрудно понять, этот колдовской порошок для больших баталий – порох. Что же касается человеческого чувства, сходного со взрывным характером эпохального китайского изобретения, то лучше предоставим слово поэту:

Любви безумную тревогу
Я безотрадно испытал.
Блажен, кто с нею сочетал

Горячку рифм: он тем удвоил
Поэзии священный бред,
Петрарке шествуя вослед...
[Там же, с. 42].

Страсть порой сопряжена с терзаниями:

Нет, никогда среди пылких дней
Кипящей младости моей
Я не желал с таким мученьем
Лобзать уста молодых Армид,
Иль розы пламенных ланит,
Иль перси, полные томленьем;
Нет, никогда порыв страстей
Так не терзал души моей!
[Там же, с. 30].

Пламя чувств рождает стихи:

Он пел любовь, любви послушный,
И песнь его была ясна,
Как мысли девы простодушной,
Как сон младенца, как луна...
[Там же, с. 51].

Страсть вызывает к надежде:

Ты в ослепительной надежде
Блаженство темное зовешь,

Ты негу жизни узнаешь,
Ты пьешь волшебный яд желаний,
Тебя преследует мечты...
[Там же, с. 78].

Страсть выковывает сильные характеры:

Кокетка судит хладнокровно,
Татьяна любит не шутя
И предается безусловно
Любви, как малое дитя
[Там же, с. 83].

Итак, третье качество – страсть, «сердечный» мультипликатор, многократно умножающий душевные силы человека и этим, по нашему мнению, создающий солидные преимущества перед Железными Дровосеками эпохи *hi-tech*.

Промежуточные итоги. Парадокс, Ирония, Страсть – попробуем отыскать именно эти источники человеческой силы в опасных для взбунтовавшихся машин манускриптах.

1.3. «Запретный плод вам подавай, // А без того вам рай не рай» (парадоксы как извивы ума)

Куда делась хладнокровность Онегина, когда он увидел вчерашнюю наивную Татьяну в роли «непреступной богини роскошной, царственной Невы»? – диагноз поэта хирургически точен:

О люди! Все похожи вы
На прародительницу Эву:
Что нам дано, то не влечет;
Вас непрестанно змий зовет
К себе, к таинственному древу:
Запретный плод вам подавай,
А без того вам рай не рай
[Там же, с. 271].

Но, думается, смысл это фрагмента несколько шире морали библейского эпизода с Адамом и Евой. Будничный здравый смысл направляет наши суждения по традиционному пути, но верткий, дерзкий ум так и норовит пойти по запретному пути преодоления невидимых пограничных полос норматива. Пусть это касается нешаблонного, парадоксального взгляда на воспеваемые всеми узы мужской дружбы:

Враги его, друзья его
(Что, может быть, одно и то же)
Его честили так и сяк.
Врагов имеет в жизни всяк,
Но от друзей спаси нас, боже!
[Там же, с. 106].

Или намеренное, на грани холодного цинизма, отрицание насквозь пропитавшего романтическую литературу средневекового культа поклонения Прекрасной Даме:

Чем меньше женщину мы любим,
Тем легче нравимся мы ей,
И тем ее вернее губим
Средь обольстительных сетей
[Там же, с. 99].

Еще непривычнее во времена, когда русское дворянство в большинстве своем предпочитало изъясняться по-французски, каяться в избыточном использовании иностранных слов, а это уж смотрится чем-то сродни извивам ума «полусумасшедшего» философа Петра Чаадаева:

Описывать мое же дело:
Но *панталоны, фрак, жилет*,
Всех этих *слов* на русском нет;
А вижу я, винюсь пред вами,

Что уж и так мой бедный слог
Пестреть гораздо меньше мог
Иноплеменными словами,
Хоть и заглядывал я встарь
В Академический словарь
[Там же, с. 25].

Подготовьтесь к перелету на два столетия вперед по шкале Времени... Оптимальное расположение слов в тексте – тоже одна из ключевых тем карманной книжечки парадоксов автора «Виллы Бель-Летра». Но ведь в этом нет особого сюрприза: роман-то – по разряду филологических. Впрочем, если уж откровенно: чем «Евгений Онегин» – не предтеча филологического романа. Скажете: совсем уж лихо завернули! Но если вдуматься, литературоведческих и культурологических рассуждений в плотной ткани творения Александра Сергеевича хватит, пожалуй, и на несколько признанных образцов фил. романа (да взять хотя бы для аналогии изумительный «Пушкинский дом» Андрея Битова).

А сколько интертекстуальных отсылок, обнажений литературных приемов, литературной игры, неожиданных семантических сдвигов (иронии, другим словом), да и вообще искрящейся импровизации и литературного озорства! Но, несмотря на перечисленные аргументы, вы вправе веско возразить, что как-то с главным героем промашка вышла. Но позвольте, на далеком от словесности *Е.О.* свет клином не сошелся; ведь один из главных героев – «По имени Владимир Ленской, //

С душою прямо геттингенской, // Красавец, в полном цвете лет, // Поклонник Канта и поэт» [Там же, с. 48].

Простите за небольшое отступление... Вернемся к книге Алана Черчесова. В юности мышление главного героя романа «Вилла Бель-Летра» обычную работу над созданием текста парадоксальным образом воспринимало как некую игру без правил, где соперником наглого шулера-юниора выступал сам *Lucifer*: «Когда-то, по молодости, Суворову представлялось, что писательство – не что иное, как игра с дьяволом в поддавки, чья подспудная цель – разменять почти все наличные фишки, а затем, опрокинув, как палиндром, с ног на голову правила, прочитать в них бессмыслицу, отречься от них и внезапно прикончить свою последней фигуркой фигурку соперника» [Черчесов 2007, с. 487].

С опытом пришла другая формулировка, содержащая, однако, не меньше выпирающих нестыковок: «Потом Суворов признался себе, что задача его ремесла куда как скромнее и сводится к одной лишь необходимости – воссоздавать на контурной карте обыденности ее недостающее измерение. В самом деле, если в том, что зовется „реальностью“, все было постыдно двумерно (время – длина, бытие – ширина, жизнь – площадь квадратов внутри этого поля), то в искусстве архитектурно преображалось и становилось объемным и выпуклым» [Там же, с. 487].

И основная неувязка здесь, похоже, в противоречии между масштабностью технологических усилий «инженера че-

ловеческих душ» по воссозданию третьего измерения и характеристики этой задачи как «скромная». Но автор романа вполне, на наш взгляд, изящно снял все вопросы, объяснив происходящие процессы физиологическими особенностями писательской оптики: «А может, они это делают лишь потому, что – опять же в отличие от „обычных“ людей – их глазомер лишен навыка распознать его, этот третий изменчивый вектор, в картинке реальности. Та сторона, что является здесь высотой, для них ничтожно мала» [Там же, с. 487].

Ух, не потеряться бы в этих опутанных лианами парадоксов теоретических дебрях... Рассмотрим вместе с А. Черчесовым тему, которая, как представляется, более зрима и постоянно, как мифологическая птица из Аравии, восстает из пепла в атмосфере эстетического дискурса. Автор «Виллы Бель-Летра», похоже, готов своеобразно трактовать значение знаменитого высказывания Ф. Достоевского о спасительной роли красоты в нашем мире: «...уродство и красота – две стороны одной медали, чье весомое достоинство есть помещенная между ними счастливая, неприметная тяжесть существования, прикрывающая их отлитыми в медную память чеканными профилями. Ибо все, что мы помним, – красота да уродство» [Там же, с. 137].

Заметили? – камера как-то слишком далеко отъехала от крупного плана создателя «Братьев Карамазовых», но в следующих предложениях А. Черчесов, как нам кажется, совершает поистине непредсказуемое сальто-морта-

ле. И речь уже идет не об огромном *новом ковчеге* для сохранения всего человечества, а о юрком вертолете МЧС для снятия с оторвавшейся льдины захмелевшего любителя рыбной ловли: «Внутри них, как в ядре, должна быть сокрыта субстанция жизни – та сердцевина, мякоть, золотая середина, та *посредственность*, что всегда ускользает от памяти, а значит, защищена от случайностей и ошибок, вызванных грехом людской гордыни: посредственность неинтересна, ее некому обсуждать. Тем и спасается...» [Там же, с. 137].

После небольшой передышки (передышки ли?) вернемся вновь к размышлениям автора романа о трансцендентальной (т.е. выходящей за пределы обыденности) сущности усилий художника слова: «Ну а талант, о котором горазды болтать речистые критики, на практике – всего только нервное расточительство обладателя кусочка шагреновой кожи, усыхающей по мере того, как надвигается на тебя осознание нестерпимой, неопровержимой, ненадежной и непостижимой подлинности сущего, в котором тебя ровно столько, настолько тебя же и нет» [Там же, с. 81].

Не слишком оптимистично? – но никто и не обещал жизнеутверждающих песен хора им. В. Локтева. Еще один взгляд на жизнь по-взрослому: «Мы добровольцы, думал он, разминая в пальцах билет, добровольцы своих поражений. Пассажиры бесчисленных поездов, увозящих нас лишь туда, где мы и есть только мы, на какие бы расстояния ни удалялись от себя в попытке стать хоть самую чуточку боль-

ше...» [Там же, с. 42]. Или еще, о неизбежных попытках избежать диалога со столь близким (ближе разве Орест и Пиллад) собеседником: «... Я убежден, что ни один человек не может до конца понять собственные свои уловки, к каким прибегает, чтобы спастись от грозной тени самопознания» [Там же, с. 63].

Устами любящего пофилософствовать дяди Густава (единственного оставшегося в живых родственника главной героини романа) А. Черчесов пытается передать свое видение распространенного, до парадоксальности банального, либретто жизненного пути: «Подлость жизни не в том, что она завершается смертью, а в несоответствии – всегда вопиющем – многообещающего зачина с концом всякий раз дурно сыгранной пьески по партитуре пошлейшего водевиля. В начале отмеренного тебе отрезка, вплоть до первого занавеса, венчающего мимолетную юность, ты безусловен, единственен и неповторим, все другое – не то и не ты. В середине спектакля ты единственный лишь для себя и один из толпы – для всего остального. А в канун самой развязки ты вдруг понимаешь, что был вписан в строку вульгарной комедии мелкой, крошечной запятой» [Там же, с. 586 – 587].

Если таковы суждения о жизни, то чего же ждать от размышлений о прямой ее противоположности? К примеру, о лихорадочных, и почти всегда бесполезных, потугах того, чьи дни приближаются к финалу: «Удивительно все-таки, до чего суетлив человек, когда он забирается в тупик своей

жизни! В нервных и бледных попытках дорисовать наспех свою судьбу проступает обидное неумение подготовить достойную концовку, что не может не сказаться на самом авторитете финала: того и гляди, траурный, гордый мундир для прощального марша рискует слюняво обляпаться суматошными кляксами междометий и всхлипов» [Там же, с. 37].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.